

нам» стремление писателя выполнить «социальный заказ» — показать образцовый социалистический город, в котором решены все национальные проблемы. Однако Шуган пишет, что Горький-художник вступает в конфликт с Горьким-пропагандистом материализованной мечты об идеальном государстве, каким представлял Союз Советов. Исследовательница отмечает: «Есть „заказанное“ упоминание об интернационализме рабочих: семья тюрков живут бок о бок с русскими. Горький рисует светлое будущее, но оказывается, что в социалистическом „раю“ национальностей вообще не будет <...> Такой прогноз потери национального лица и превращения людей из „военного лагеря“ в однообразную массу уже сродни антиутопии Оруэлла» (с. 233). Далее Шуган приходит к выводу, что в 1930-е годы писатель отошел от художественного и публицистического исследования судьбы России как страны, стоящей между Востоком и Западом, в котором на протяжении долгих лет он видел хранителя культуры и цивилизации, и обратился к утопическим мечтам о совершающемся у него на глазах чуде — создании нового человека-интернационалиста.

Третья глава посвящена всестороннему отражению Востока в творчестве Горького. Надо отметить, что этот аспект общей темы монографии неоднократно рассматривался в горьковедении, в связи с чем на современном этапе очень трудно найти какие-то новые повороты, еще не освещенные в трудах специалистов по творчеству пролетарского писателя. Однако Шуган осознанно включает в свою книгу и этот ракурс изучаемой ею темы, хотя в этой главе она во многом следует за своими предшественниками. Так, к примеру, она развивает и дополняет новыми примерами концепцию М. Нике¹ о горьковском понятии «азиатчина». Эта

глава представляет собой наименее удачную часть монографии. Шуган последовательно, по хронологии, рассматривает художественные тексты Горького, анализируя как творения писателя на «восточную тему», так и отразившие эту тему произведения о современности. Возможно, исследовательнице надо было бы более развить лишь тезисно высказанные ею оригинальные мысли о многофункциональной роли ориентализма в горьковской поэтике. Однако необходимо отметить, что включение третьей главы в контекст монографии оправдано. В составе единого метатекста изложение этого аспекта темы «М. Горький и Восток», даже при том, что отдельные сюжеты уже многократно освещались в горьковедении (например, вопрос о противоборстве «восточного» и «западного» начал в русской душе), является необходимой составляющей *целостного* рассмотрения поставленной проблемы.

В конце монографии помещено органичное и существенное Приложение — статья «Восточная коллекция М. Горького», рассказывающая о собранной писателем коллекции нецке. Завершает книгу тщательно подобранный комплекс иллюстраций.

В заключение можно сделать вывод о том, что монография Шуган представляет собой заметное научное явление в исследовании творчества Горького. Опираясь на лучшие, достигнутые на протяжении долгих лет существования горьковедения историко-литературские и комментаторские традиции изучения наследия писателя, Шуган обогащает их новыми научными находками, представив свою, современную и целостную концепцию рассмотренной темы. В конце книги автор указала на перспективы дальнейших исследований: «Сегодня Россия повернула лицом к Востоку <...> Образно говоря, у Горького было гораздо „больше Востоков“. Исследовать их — задача будущего» (с. 350). Подготовленная Шуган капитальная монография «Восток в жизни и творчестве М. Горького» является значительным и уже свершившимся этапом движения науки к достижению этой цели.

¹ *Nigueux M. L'«asiatism» chez Gorki. Histoire d'un mythe // Russies. Mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire / Rassemblés par D. Dykman et J.-Ph. Jaccard. Lausanne, 1995. P. 283–292.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-259-261

© О. Е. Осовский

ОТ ВСЕОБЩЕЙ К ВСЕМИРНОЙ: ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР*

Появление рецензируемой монографии — еще одно свидетельство растущего интереса к советским литературным практикам у пред-

ставителей самых разных дисциплин (от теории и истории литературы до переводоведения, постколониальных и диаспоральных исследований). Ученые из Великобритании, Гер-

* World Literature in the Soviet Union / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbury and R. Djagalov. Boston: Academic Studies Press, 2023. 292 p.

(Studies in Comparative Literature and Intellectual History).

мании, Израиля, США, Франции предприняли попытку по-новому взглянуть на историю советского литературного и культурного сознания, на то, как формировались контуры идеологизированного и политизированного гуманитарного пространства СССР 1920–1980-х годов. Концепция всемирной литературы оказывается одной из важнейших литературоведческих идеологем, определяющих на протяжении многих десятилетий советское восприятие мирового литературного процесса. У этого масштабного явления есть не только своя история советского периода, но и предыстория дореволюционного времени, рудименты которой сохранились в институте кафедр всеобщей литературы, просуществовавших до кампании по борьбе с космополитизмом в конце 1940-х, в результате чего всеобщая литература превратилась в зарубежную. Впрочем, этот эпизод остался за пределами внимания авторов. В монографии справедливо указывается, что новое понимание мировой литературы реализовывалось при помощи соответствующих институций — от курируемых ЦК ВКП(б) и спецслужбами международных писательских объединений и организуемых последними конгрессов до действующих по их директивам издательств и журналов. Яркой иллюстрацией этого процесса может служить, по мнению авторов, создание в системе АН СССР Института мировой литературы имени А. М. Горького, с 1960-х годов ставшего ведущим центром разработки системной концепции истории всемирной литературы.

Характеризуя общий замысел книги, ее редакторы Г. Тиханов, Э. Лаунсбери и Р. Джагалов отмечают: «В России интерес к мировой литературе возник задолго до 1917 года, но именно Октябрьская революция придала особый импульс его реализации, прежде всего благодаря щедрой государственной поддержке. Наша книга впервые рассматривает советский опыт осмысления мировой литературы с различных институциональных и дисциплинарных точек зрения <...>. Она охватывает 70 лет существования Советской России, но не оставляет без внимания и постсоветское пространство, где сохраняется интерес к мировой литературе, которая включает и русскоязычную словесность диаспоры» (с. IX).

Осмелимся утверждать, что основным теоретико- и историко-литературным ориентиром для авторов книги послужила глава, написанная идеологом проекта, известным английским литературоведом Тихановым. В ней предпринята попытка сформулировать ключевые принципы советского понимания всемирной литературы. Восстанавливает исследователь и исторический фон проблемы в осмыслении ее европейским гуманитарным мышлением XVIII–XIX веков. Среди тех, кто в это время рассуждал о феномене мировой литературы, не только И. В. Гете, но и К. Маркс и Ф. Энгельс, которые усматривали в феномене всемирной литературы одно из свидетельств приближения эпохи мирового капитализма.

Но наиболее важны для автора «уроки советского интереса к мировой литературе» (с. 1), отражавшегося в масштабных литературных и общественных дискуссиях всего периода существования СССР, в трудах Н. И. Конрада, М. М. Бахтина, И. Г. Неупокоевой. Тиханов последовательно анализирует обсуждение проблем мировой литературы советской научной и писательской общественностью. Высшей точкой их стало возникновение проекта десятилетней «Истории всемирной литературы», реализация которого пришлось на 1980-е годы и остановилась в начале 1990-х в связи с радикально изменившейся идеологической ситуацией. По убеждению исследователя, в этом масштабном коллективном труде впервые представлено систематизированное изложение мирового литературного процесса как единого целого, а его периодизация была основана на наиболее общих признаках, отражавших специфику литератур Европы, Америки, Азии и Африки. Важнейшим шагом стало включение в мировой литературный контекст русской литературы и литератур народов России, ранее оставшихся за пределами мировой литературной истории.

Начатый Тихановым разговор о советских институциях, с помощью которых реализовывалась концепция всемирной литературы, продолжается в главах, посвященных созданному М. Горьким издательству «Всемирная литература» и его вкладу в становление и развитие теории и практики художественного перевода в СССР. При этом неоднократно подчеркивается, что издательство сыграло важнейшую роль в обеспечении заработков значительной части литературной элиты в годы революции и гражданской войны, в демократизации литературного чтения и в открытии «сокровищ мировой литературы» для самых широких народных масс. Не случайно известная исследовательница советской литературы К. Кларк в посвященной В. Б. Шкловскому главе объясняет возникающий у крупнейшего русского формалиста в начале 1920-х годов интерес к западной прозе именно его сотрудничеством со «Всемирной литературой».

Немалое внимание в монографии уделяется журналу «Интернациональная литература», каждая из иноязычных версий которого (английская, немецкая, французская, испанская) учитывала интересы региональной аудитории. На этом фоне особое значение приобретала концепция социалистического реализма как единственного художественного метода современной литературы, о чем на Первом съезде советских писателей говорили в своих докладах М. Горький и К. Радек. Исходя из этого принципа осуществлялась и «обратная трансляция» — представление советскому читателю «правильных» образов современной словесности, в частности, как показывает Э. Тайерман, произведений китайских авторов.

Продолжением практики взаимодействия с зарубежными писателями становится создание в конце 1950-х Ассоциации писателей

стран Азии и Африки, интерпретируемое Р. Джангаловым как попытка формирования прогрессивной мировой литературы для стран «третьего мира», части политической игры СССР на поле движения неприсоединения.

Методологически значимыми представляются и размышления о возможности наделения статусом мировой национальных литератур, в силу своей масштабности и исторической судьбы приобретающих особое значение в мировом литературном контексте. Так, «всемирность» русской литературы, в том числе русской диаспоры, становится предметом специального рассмотрения у Э. Лаунсбери и М. Ру-

бенс, а судьбы армянской словесности в СССР и других странах детально анализируются С. Франк.

К сожалению, в монографии не нашлось места для ряда сюжетов. В частности, не были упомянуты вклад в формирование концепции всемирной литературы академика В. М. Жирмунского и ленинградского Института литератур и языков Запада и Востока, а также такой масштабный проект, как издание двухсоттомной «Библиотеки всемирной литературы» (1967–1977). Выразим надежду, что они найдут отражение в следующем томе исследовательского проекта.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

**О ПРАГМАТИКЕ РАЗУМА И ВЕРЕ В ЧУДО:
МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ВОСТОК****ON THE PRAGMATICS OF REASON AND BELIEVING IN MIRACLES:
MAXIM GORKY AND THE ORIENT**

[Рец. на:] *Шуган О. В.* Восток в жизни и творчестве М. Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 438 с.
[Review:] *Shugan O. V.* Vostok v zhizni i tvorchestve M. Gor'kogo. M.: IMLI RAN, 2023. 438 s.

Олег Ефимович Осовский

главный научный сотрудник Мордовского государственного
педагогического университета им. М. Е. Евсевьева

Oleg Efimovich Osovskii

Chief Researcher,
Mordovia State Pedagogical University

ORCID: 0000-0002-9869-3233

osovskiy_oleg@mail.ru

**ОТ ВСЕОБЩЕЙ К ВСЕМИРНОЙ:
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР****FROM UNIVERSAL TO GLOBAL LITERATURE:
SHAPING THE CONCEPT OF WORLD LITERATURE IN THE USSR**

[Рец. на:] *World Literature in the Soviet Union* / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbery and R. Djagalov. Boston: Academic Studies Press, 2023. 292 p. (Studies in Comparative Literature and Intellectual History).

[Review:] *World Literature in the Soviet Union* / Ed. by G. Tihanov, A. Lounsbery and R. Djagalov. Boston: Academic Studies Press, 2023. 292 p. (Studies in Comparative Literature and Intellectual History).